

На календаре были 30-е годы

РАБОЧИЕ проявляли большой интерес к творческой работе писателя. Они спрашивали, например, его о том, почему он предельно насытил речь героев произведения «Реки огненные» всякого рода жаргонными, сказанными, диалектизмами, написал и опубликовал его без точек и запятых, расположив строчки на страницах треугольниками.

— Это было попыткой найти новое не только в содержании моего творчества, — говорил Николай Иванович, — но и в его форме. Но это формальное новаторство оказалось ошибочным, не нужным. Его опрокинула сама жизнь...

Он охотно соглашался при этом с критикой конца двадцатых годов, которая об Артеме Веселом писала, что он «не только сдвинул и сместил планы, но сдвинул и сместил типографские шрифты и расположение печатных строк. Пером и волей молодого автора управляли стихии... Он хлебнул этой необузданности не только в поэтических строках мастеров, а в вольной, кровавой битве, схватке старой и новой России, распахнул свое художественное окошко, через которое на читателя глянули люди-вихри, люди-ураганы, люди-смерчи, люди-стихии».

Такими чертами характера в «Реках огненных» наделен Гришка, который слова «накалывал

редко и нехотя», а «разговаривали за Гришку руки, ноги, чмок, плевки».

ИЗ МЕЛЕКЕССА Артем Веселый очень часто выезжал в колхозы зоны Мелекесской, Тинской, Малокандалинской машинно-тракторных станций. Посещал

Юрий Маштаков

Встречи с Артемом Веселым

он и совхоз «Правда», другие совхозы Мелекесского округа.

Поездки эти, когда в деревнях разгуливали кулацкий кистень и обрызг, были небезопасны для жизни. Но смелого, мужественного и волевого писателя, который посвятил свою жизнь честному, беззаветному служению народу, не страшило это. Не раз он смело смотрел смерти в глаза на передовой гражданской войны, не боялся он ее, и находясь на политическом фронте. И вот ранней весной 1933 года Николай Иванович, приехав с работниками политотдела Мелекесской МТС в татарское село Сабакаево, едва не стал жертвой кулацкой диверсии.

А было это так. Родине нужен был хлеб. Ощетинившееся кулачество не сдало его, а прятало в ямах. Комитету бедноты, который

разоблачал вредительскую деятельность кулаков, нужна была практическая помощь. Для оказания ее вместе с работниками политотдела нашей Мелекесской МТС в Сабакаево выехал и Николай Иванович. Как всегда, он был в хорошем расположении духа. Шутил и смеялся. И не подозре-

вал того, что смерть стояла с ним рядом...

Колхозное собрание, на котором решался вопрос об изъятии хлеба у кулаков, затянулось до полуночи. Когда решением трудового крестьянства кулацкие планы оказались битыми, нам нужно было ехать обратно в расположение политотдела Мелекесской МТС, которая находилась на окраине города.

Участники собрания быстро разошлись. На улицах села было тихо. Только звезды дрожали в темносиней вышине. Да изредка нервно тявели дворняжки. Когда мы уже собрались уезжать, к нашим саням подошел человек. Поравнявшись с нами, незнакомец на ломаном русском языке угрожающе сказал:

— Хлебец-то, да быть, за утро

повезут на ссыпной пункт... А вот как вы поедете домой, не знаю...

— Это он нам? — спросил Николай Иванович у кучера, держащего наготове рысистую лошадь.

— А, ну его к лешему... Поехали!

Вороной вихрем рванул с места и помчался вперед. Ехали мы

на. Погоня неожиданно остановилась.

— Не вышло, — сказал Николай Иванович, — Кулацкая затея не удалась...

Так, как прореагировал на все случившееся Артем Веселый, мог поступить только человек железной воли и огромной выдержки. А преследовавшие нас остановились потому, что конники побоялись попасть в разводья реки, да вызывала, видимо, у них опасение и близость расположения нашего политотдела.

Несколько дней позднее после этого происшествия, о котором, кстати сказать, не любил распространяться Николай Иванович, было установлено, что диверсию против нас возглавлял тот самый незнакомец, который пригрозил нам перед нашим отъездом из Сабакаева. Он оказался муллою и выходцем из крупных кулаков.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КОЧКУРОВ вполне оправдывал своим поведением в жизни взятый им псевдоним — Артем Веселый. Он действительно был оптимистом, весельчаком. Не мрачнел и не насупливал бровей даже в затруднительные минуты. Он любил танцы и игры. Бывая у рабочих трехсосенского пивзавода, писатель выходил на середину зала и пускался в вихри вальса или танцевал модный в то время «падекатр». Несмотря на свою громоздкость, Кочкуров исполнял все это виртуозно, легко, с какой-то особой ловкостью и быстротой.

[Окончание следует].

Продолжение. Начало см. в № 56 от 12 мая с. г.

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА

● 15 мая 1979 г. ● 2 страница

На календаре были 30-е годы

Весна 1933 года была на редкость ранняя. Солнце беспощадно плавало кипенной белизны снег. В первой неделе марта на сельских дорогах уже зачернели проталинки. С прилетом громогласных грачей на душе стало еще веселее. Мы, работники подпольной печати, готовились вместе с хлеборобами встретить во всеоружии весеннюю посевную кампанию.

И как раз перед самым нашим отъездом на колхозные поля в городском кинотеатре был проведен творческий вечер Артема Веселого. Это была последняя наша встреча с писателем.

Обширный зал кинотеатра был наполнен людьми до отказа. Они и сидели и стояли везде, где только можно. Кое-кто нашел себе место в оркестранской и даже в суфлерской будке. Как говорится, яблоку негде было упасть.

Ведь Николай Иванович Кочкуров — Артем Веселый, известный мелекесцам еще как редактор газеты «Знамя коммунизма», теперь приехал сюда известным пролетарским писателем.

Тепло и сердечно встреченный собравшимися, Николай Иванович познакомил их с некоторыми главами романа «Гуляй, Волга!». Писатель знал свой роман почти наизусть. Читал его не с трибуны, а по памяти, выйдя на середину

сцены. Мы были поражены его феноменальной памятью. Держался он во время выступления просто и непринужденно. Так, словно слушавшая его аудитория была ему давным-давно близка и знакома.

Прочитав одну из глав романа, он, улыбувшись, спросил:

Юрий Маштаков

Встречи с Артемом Веселым

— Как, понравилось?

В ответ раздались громкие рукоплескания.

— Тогда, — сказал он зычно, несколько по-волжски окаяюще, — буду читать дальше.

И он читал главу за главой. И перед нами, с увлечением слушающими его, возникал образ вольного русского человека — героя Ермака, который так много сделал для славы своей любимой родины.

Со всех концов Артему Веселому посыпались письменные и устные вопросы с просьбой рассказать о том, как он работал над созданием такого интересного произведения.

Литературно-творческий вечер открыл председатель окружного исполнительного комитета, член ВЦИКа старый большевик Яков

Федорович Сухачев. За его доброе, заботливое отношение к нам, молодой комсомольской поросли, мы не случайно называли его отцом молодежи. А короче — «бать». (Несколько лет спустя, Я. Ф. Сухачев вместе со своим шофером трагически погиб в автомобильной катастрофе, возвращаясь

с пленума Оренбургского облисполкома в Бузулук, где он в то время был председателем горрайисполкома).

Я. Ф. Сухачев предоставил слово секретарю Мелекесского окружного комитета партии тов. Абрамову. И Абрамов рассказал о том, как, начав свой творческий путь в Мелекессе редактором газеты «Знамя коммунизма» в декабре 1918 года, писатель А. Веселый прошел в дальнейшем много интересных и сложных жизненных этапов.

— Над романом «Гуляй, Волга!», — заявил автор, — я работал не один год. Весь он мной был переписан три раза. Отдельные главы переписывались 30-40 раз. Были совершены многочисленные поездки по местам, где воевал

Ермак, глубоко изучены архивные материалы. Восстановлен также разговорный язык того времени.

— Кроме личного творческого упорства в работе над романом, — подчеркнул Николай Иванович, — я многим обязан в этом моему бескорыстному учителю — пролетарскому писателю Александру

улицу им. Артема Веселого. Это предложение было встречено бурей аплодисментов. Есть такая улица, которая носит имя Артема Веселого, в Дмитровграде и сей час.

В конце вечера с чтением своих стихов и рассказов выступили местные авторы. Артем Веселый был внимателен и чуток к молодым голосам. Тут же, сходу, он давал выступающим короткие, но полезные советы.

Вечер закончился поздней ночью. Его участники нехотя расходились по домам, навсегда сохранив в своих сердцах живую неизгладимую память о встрече с простым и скромным человеком и талантливым писателем Артемом Веселым.

...Прошло почти полвека, а кажется это было совсем недавно, как будто вчера. Так и стоит перед глазами во весь свой богатый рост обаятельный, жизнерадостный, энергичный и волевой Николай Иванович Кочкуров — Артем Веселый, который умел держать и творить. А рядом с ним вырастала уже молодая поросль поэтов и писателей — Аркадий Тропольский, Виктор Багров, Николай Пономарев, Лев Правдин и некоторые другие.

Но увы! Время безжалостно к нам, людям. В живых из них почти никого уже нет. И осталась только навсегда добрая светлая память об этих счастливых встречах в далеком лесном городке Мелекессе.